

март 2004

Жванецкий Михаил

52

6

личность

«ЖЕНЩИНЫ ВЫБИРАЮТ МУЖСКИЕ МОЗГИ, МЫ ЖЕ - КРАСОТУ»

Михаил Жванецкий: «Россия создана для юмора и МЧС»

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ не нуждается в представлении. Слишком мало вокруг нас людей, способных так тонко и так к месту шутить. Ему же всегда удается подмечать все странности нашей жизни с непередаваемой иронией – иронией Жванецкого. 70-летний его юбилей, недавно отмеченный, лишний раз это подтвердил.

«АиФ» предлагает размышления Михаила Михайловича, прозвучавшие во время подготовки программы Андрея Максимова «Дежурный по стране» (производство «Авторское телевидение»), но не попавшие в эфир из-за ограничения по времени. Однако мы считаем, что эти замечательные мысли достойны внимания наших читателей.

МЫ СТАЛИ цивилизованной страной. У нас появляются новогодние праздники. Вы заметили, как пустеет Москва? Москва очень хорошо реагирует на праздники. Сразу все самолеты куда-то улетают. Горные лыжи... Я в этом плохо разбираюсь. Однажды под Москвой меня кто-то поставил на горные лыжи. Я до сих пор не могу вспомнить сволочь, которая мне их надела. Какое-то время меня держали на склоне, потом, видимо, отпустили. Я молчал, думал, съеду. Когда я... об дерево, об забор, они сказали: «Он в первый раз?»

РАБОТАЕМ непрерывно, проходя циклические этапы. Что-то строим и что-то разваливаем одновременно. Это уже о нашей жизни. Затем разваливаем то, что построили. Затем строим то, что развалили. Затем устанавливаем равновесие: строим и разваливаем одинаково. Потом строим больше, чем разваливаем. Потом разваливаем больше, чем строим. И наконец, покидая площадку, видим, что что-то недостроенное слилось с недоразваленным, создавая удивительную смесь недостроенного социализма и недоразвитого капитализма.

ЕСЛИ в той жизни мы копали одну общую яму, то сейчас каждый роет ходы. Ну хорошо, если встречаются двое под землей, привет, и руют дальше уже в разные стороны, чтобы не сталкиваться больше никогда. А раньше все вместе рыли котлован. Об этом писал Платонов.

ПРОКУРАТУРЕ и государству мы еще не начали верить, а от нас хотят, чтобы мы уже доверяли.

НАША демократия - это светфор, где горят три огня сразу. Как он горит, так мы и едем. Хочется сказать: «Встречайте!» Но где, когда и, главное, кого?

ЛЮДИ задают разные вопросы, и я не знаю, что ответить, смена правительства, напрягаешься внутри, пытаешься сесть на место этого, встать на место этого. Поцеловать место этого, этого и думать: что же они думают?

Мужские мозги и женское тело

Я И РОМА Карцев однажды попали в лифт (в гостинице «Киевская» в Ленинграде, когда работали у Райкина) вместе с женской сборной СССР по баскетболу. Что досталось Роме который ниже меня, я уже не говорю. Я был на уровне живота. Столько было хохота. Он стал приглашать девушек в кино. Я говорю:

«Ты подпрыгни, ты же не видишь, с кем разговариваешь. Хочешь, я тебя подсажу?»

Сейчас мы попали в такое время, когда стала цениться высота, размеры, красота тела. Красота тела - это хо-

«Как идиот, но окрыленный»

В ЛЕНИНГРАДЕ я получил от Райкина однокомнатную квартиру. Жил пару лет без телефона. Потом его поставили с помощью писем от Товстоногова. Райкин... не скажу, что он подписывал какие-то такие просьбы. Я ему благодарен за все, но не за такие бытовые вещи. Поставили мне телефон. И первые звонки были такие: «Завозить лес или не завозить? Это склад?» Потом я сказал: «Да, завозите». Куда-то они завезли лес, звонки прекратились. А потом: «Если ты еще когда-нибудь, пада, скажешь «завозить!»»

И дальше такое, что не буду даже говорить.

Прокуратуре и государству мы еще не начали верить, а от нас хотят, чтобы мы уже доверяли.

ОДНАЖДЫ мне организовали свидание с Полянским. Он тогда (в 70-е годы. - Ред.) был министром сельского хозяйства. У меня был вопрос насчет квартиры и как в Москве прописаться. Как только я вошел, он начал говорить, и я перебить не мог. «Михаил, вы к нам пришли, я вас, в первых, очень люблю. Сатиру мы должны сейчас поднимать». Раздернул карту Советского Союза и сказал: «То, что вы говорите, в сущности, это такая мелочь. Вот здесь у нас люди голодают, здесь воды нет, здесь мучаются, здесь собрали урожай на целине, а он весь гниет. Нам сатира до зарезу нужна». Он говорил непрерывно. Что мои пленки есть у Брежнева на магнитофоне, у Биляка, у него. «Когда я отдыхаю в саду, то слушаю вас и наслаждаюсь, вы великий талант». А у меня квартирный вопрос, прописка. Молчу, потому что не могу перебить члена Политбюро. И

он сказал: «Усиливайте, говорите резче, говорите смелей. Михаил Маннич, ну до свиданья». Он меня вот так проводил под попу к дверям. Без ничего. Я с чем пришел, с тем и ушел. Ничего я не пипсул, ни одного вопроса. Все горело внутри меня, я все забыл. Я ушел, как всегда окрыленный. Как идиот, но окрыленный.

Стабильность и взятки

ЕЩЕ ОДНО изречение. «Я впервые в вашей стране», - сказала американка. «Мы тоже», - сказали мы. Эта страна создана для юмора, она создана для МЧС, она создана для сатиры. Какое-то время тишина, никто не смеется. Это называется стабильность. Привыкаешь. Хотя какая стабильность?

Стабильность в том, что эти брали взятки и берут. В этом стабильность. Из больницы трупы идут рекой. К врачам не пробиться, дикие очереди. Все время берут с нас деньги за все. Стабильность какая-то есть.

Но вдруг юмора нет какое-то время, анекдотов нет. Потом опять. Эта страна создана для всего этого.

А с другой стороны, я не хочу уезжать. Я тысячу раз, ободряя все население, говорил, что я уезжать не хочу. Все страстно аплодировали, но никто ничего не сделал, чтобы я лучше здесь стал жить. Чтобы кроме собственных обещаний у меня появился какой-то стимул. Почему, когда из Одессы уезжала треть населения, никто не сказал: остановитесь, не уезжайте. И все аплодируют, когда говоришь: да, я буду жить здесь. Это считается большим героизмом, это считается, что действительно я разделяю участь всех.

Последнее время были упреки со стороны конкурентов, друзей, что я близок к власти. Не к власти. В первых, в период становления демократии власть сама подходила к популярным людям. Во-вторых, эта жизнь мне нравилась. Я настолько не любил, плохо себя чувствовал в советское время, что сейчас как бы то ни было мне нравится.

Всю жизнь я рос среди стоптанных туфель. Набойки, туфли, носки дырявые. Сейчас, если вниз смотришь, народ в хороших туфлях ходит. Эта жизнь улучшается. Что я могу сделать с собой?

Фото Сергея ИВАНОВА

— март — с. 6